

Меродий
Буслаев

**Читайте в серии о
Мефодии Буслаеве:**

1. Маг Полуночи
Свиток Желаний
2. Третий всадник Мрака
Билет на Лысую Гору
3. Мечь валькирий
Тайная магия Депресняка
4. Лёд и пламя Тартара
Первый эйдос
5. Светлые крылья для тёмного стража
Лестница в Эдем
- 6. Карта хаоса
Ожерелье дриады**
7. Стекланный страж
Танец Меча
8. Огненные Врата
Книга Семи Дорог
9. Ладья Света
Ошибка грифона
10. Самый лучший враг

Дмитрий Емец

Меродий Буслаев

Карта хаоса

Ожерелье дриады

МОСКВА 2025

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Иллюстрация на обложку
Анны Афанасьевой

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Карта хаоса; Ожерелье дриады / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2025. — 688 с. — (Д. Емец. Мефодий Буслаев. Легендарное городское фэнтези).

ISBN 978-5-04-186935-9

КАРТА ХАОСА

Бывший наставник Мефодия Буслаева Арей временно отстранен от руководства русским отделом Мрака. Чтобы выжить, ему нужно найти карту хаоса, которую украли из канцелярии Тартара. Однако собственное благополучие мало беспокоит Аррея: он узнал, что его давно погибшую дочь вернули к жизни. Между тем за карту хаоса развернулась настоящая охота, поскольку этот переменчивый артефакт крайне необходим светлым. Мефодий, по воле Света, теряет память, поэтому он не помнит последние годы жизни: ни служение Тьме, ни свою любовь к Дафне. В то же время валькирия-одиночка проходит через сложную трансформацию, превращаясь в белую волчицу.

Одиннадцатый роман о приключениях Мефодия Буслаева.

ОЖЕРЕЛЬЕ ДРИАДЫ

Силы бывшего наследника Мрака не дают покоя Лигулу. Правда, рядом с Мефодием постоянно находится Даф, а это все усложняет. Но вот настал подходящий момент: светлая порезалась о меч Древнира и теперь в ее крови бушует тьма. Если оставить все как есть, очень скоро Дафна умрет. Ей поможет только ожерелье одной-единственной дриады, а значит, прислужникам Лигула нужно завладеть им во что бы то ни стало. Но Свет не бросит в беде своего стража, и на поиски ожерелья отправляются валькирии. А еще целительным артефактом жаждет завладеть Аррей: ожерелье может защитить эйдос его дочери от Мрака...

Двенадцатый роман о приключениях Мефодия Буслаева.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186935-9

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

KAPTA XAOCA

Чтобы эффективно сражаться с Тартаром, неплохо понять его логику и тактику. Предположим, что я Мрак и что существует громадный, опасный для меня алмаз-артефакт, который я не могу уничтожить, так как он вечен, прекрасен, ослепителен и я не могу даже прикоснуться к нему. Он сильнее меня. Он жжет. Самим фактом своего существования он причиняет мне дикую боль.

Если я не могу его уничтожить или сдвинуть с места, я буду пытаться его спрятать от людей. Как можно его спрятать?

1. Сотворить сотни других, подобных истинному, но из стекла, и разбросать вокруг. Сделать эти «алмазы» ярче и привлекательнее истинного. Человек будет хватать фальшивку, пораженный блеском ее граней. Понимать рано или поздно, что это стекло, разбивать и хватать следующую фальшивку, которая вновь окажется стеклом. Рано или поздно человек разочаруется во всех алмазах и отвернется даже от истинного.

2. Издали закидать алмаз грязью или птичьим пометом лжи.

3. Вообще попытаться сделать алмаз непопулярным камнем. Упорно и систематично утверждать, что самый дорогой камень, допустим, кварц. Вводить моду на кварц, изготавливать из него украшения и т.д. Одновременно в книгах, рекламе, анекдотах, на телевидении не слишком назойливо, но часто повторять, что нет ничего пошлее, глупее, ненужнее и смешнее алмазов. В кинофильмах делать алмаз непременным атрибутом болтливых и глупых теток и, напротив, все молодое, сильное, достойное подражания связывать с образом кварца.

4. Внедрять сугубо прагматический подход. Повторять, что алмаз-де нужен исключительно для резки стекла. Внушать человеку желание (я-то прикоснуться не могу) расколоть алмаз и использовать его составные части в быту. Как сверла, стеклорезы и т.д.

Если проводить эту линию достаточно последовательно, через несколько десятилетий можно добиться того, что люди вообще перестанут искать алмаз и окажутся в полной власти Мрака.

«Лисьи фокусы», т. XXXI

Глава 1

УКУС ХМЫРЯ

— До чего же надоели эти сложненькие и несчастненькие! Тумана напустят, сидят и квакают! Простого хочу, нормального, честного, чтобы детей любил! — сказала княжна Мэри, со щелчком вставляя в «АКМ» новый магазин. Печорин побледнел.

*Предположительно
не М. Лермонтов*

Снег местами еще лежал, сбившись в грязные глыбы, а жирная от влаги земля уже робко проклеивалась свежей травой. Наглые одуванчики высунули желтые головы и, точно разведчики, цепко и зорко оглядывали местность, соображая, в какую сторону запускать, когда придет время, свой белый десант. Молодой московский апрель уже вступил в права наследства и теперь решительно освобождался от ненужного ему барахла, оставшегося от скончавшегося дяди-марта, — глубоких луж и островков грязного льда.

За окном, квелый и кашляющий, точно гриппующий поэт, бродил болезненный московский пейзаж и стучался в стекло: где — ранней мухой, где — смешанным с дождем ветром, где — тонкой березовой веткой.

Неизвестно откуда появились первые шмели. Тяжелые и слабые, в воздух они поднимались с трудом и перемещались

короткими перелетами. Многие и взлететь не могли. Сидели на влажной земле, шевелили крыльями и робко грелись в лучах холодного солнца.

Ирка сидела в «Приюте валькирий» и подбрасывала дрова в печку-буржуйку. В трубе буржуйки угадывалась обычная водосточная, которую Багров приволок невесть откуда. Делая изгиб, она выглядывала в форточку, прикрытая от поддувания жестяной нашлепкой.

Из дальнего угла буржуйки выползал вонючий дымок, так как дрова были сыроваты. Из своего закутка появился Антигон с большой жестяной кружкой. Быстро взглянул на Ирку и передал кружку Багрову.

— Я просил чай девяносто два градуса, а тут восемьдесят девять! Никакой заботы о болящем! — сказал Матвей, кашляя.

Антигон что-то пробурчал и принялся вырывать кружку, однако Багров не отдал.

— Нет уж! Буду пить ледяной! А тебя пусть совесть мучает, — сказал Матвей и, отхлебнув, принялся пальцами снимать что-то с языка. — Что это за валуны? Они корябают мое нежное горло!

Бакенбарды Антигона задрожали от негодования:

— Это семена малины!

— Хочешь сказать, что чай еще и с малиной? Нет, Антигон, ты точно отравитель! Но так и быть: если я умру, я тебя прощаю!

Матвей лежал на кровати, укрытый колючим красным одеялом. Если приглядеться, на одеяле можно было обнаружить смазанный штамп «горбольница психиатрическое отделение», откуда оно, собственно, и пропало. Одеяло было подарено Ирке на Новый год любившей такие шуточки Бэтлой, но как-то очень скоро перешло к Багрову.

В «Приют валькирий» Матвей перебрался еще осенью, сразу от Эссиорха и Корнелия. Ирка не пустила его в холодный лодочный сарай. Зимой Багров пришел было в себя, но в марте загрипповала Ирка, а теперь вот и он.

— Вначале напустили дыма, потом дали холодный чай с кирпичами. Интересно, что будет завтра? Наденут на ноги сплошные дырки и скажут, что это шерстяные носки? — продолжал ворчать Багров.

— Ты ужасно противный больной! Я, когда грипповала, была в сто раз терпеливее! — заявила Ирка.

Багров недоверчиво хмыкнул:

— А кто просил два часа дуть себе на лоб, якобы потому, что он горячий? Где ты вычитала такой способ борьбы с температурой?

Ирка смутилась.

— В какой-то книге, — быстро сказала она.

Багров склонил голову набок:

— Не верю!

— Почему?

— Нет такой книги. Полные выходные данные, пожалуйста! Автор, название, издательство, год издания?

— А не плюнуть в тебя жеваной морковкой? — брякнула Ирка.

— Фи! Какие странные фантазии! А еще одеяло мне передарила! — сказал Багров и, забыв про якобы раздражавшие ему горло семена малины, стал с удовольствием пить чай.

Лишь минуту спустя он опомнился и укорил Антигона, что чай уже семидесяти градусов. Того и гляди покроется льдом.

— Не ворчи! — поморщилась Ирка.

— Ты же первая всегда ворчишь! — сказал Багров.

— Ну и что? Я женщина, мне можно. И вообще, если я как следует не поворчу, как ты догадаешься, что ты кругом виноват?

Ирка была счастлива. А когда некоторые люди счастливы, они теряют ощущение реальности. Состояние легкого несчастья для создания рабочего настроения куда полезнее.

Багров перевернул пустую кружку, поставил ее себе на лицо, закрыв рот и нос, и принялся в нее стонать. Звук получался кошмарный. Матвей был очень доволен.

— И где я только нашла этого дурака! — пробормотала под нос Ирка. Всмотрелась в Багрова и задумчиво добавила: — А действительно, где мы с тобой познакомились?

— Не помню, — простонал в кружку Матвей.

Ирка недоверчиво сдвинула брови:

— Не помнишь?

— Я запомнил лишь твои глаза в этот миг, — сказал Багров по-прежнему в кружку, и непонятно было, говорит он правду или лукавит.

«Я помню лишь твои глаза в этот миг»! Как же, как же! Самый удачный способ отвечать девушке, почему ты забыл дату первой встречи и всякого такого прочего», — подумала Ирка и на этом остановилась.

Конец мысли, ее жуткий блестящий хвост, она предпочла оставить в темной и пыльной норе. Валькирия не может быть счастлива в любви, в той эгоистичной ее части, которая только для себя, — или перестанет быть валькирией. Что уж тут непонятного? Копье валькирии — копье правды и возмездия — не может стоять в кладовке, пока его хозяйка будет праздновать трехнедельный юбилей сорванной вместе ромашки.

Дрова в буржуйке наконец высохли и разгорелись. Тянуть гарью перестало. Ирка представила, как выглядит их домик снаружи. Подвешенный между деревьями вагончик, подняться в который можно только по веревке, с торчащей из окна дымящейся трубой.

Минувшая зима выдалась спокойной, без крупных стычек с Мраком. Копье слушалось нормально, хотя всякий раз, вызывая его, Ирка испытывала тревогу. Все-таки совесть ее была не совсем чиста.

Прочие валькирии навещали ее не часто. Несколько раз заглядывала Бэтла, притаскивающая каждый раз по рюкзаку еды. Вспомнив, что Бэтла — валькирия сонного копья, Ирка решила с ней посоветоваться. Незадолго до того ей дважды приснился навязчивый сон, будто она свалилась с лодки в озеро и, чтобы не утонуть самой, выпустила из рук сразу опустившиеся на дно шлем и копье. Потом, выбившись из сил, она спит где-то на песке, а множество мелких паучков ползали по ней и обматывали липкой паутиной.

— Снам не верь! Дохлое занятие! — сказала Бэтла, с хрустом откусывая яблоко.

— А разве Свет не посылает снов? — спросила Ирка.

— Чудовищно редко. Чаще это делают другие, — ответила Бэтла. Учítывая, что рот у нее был набит, слово «другие» вышло как «жругие».

— А если сны сбываются?

— Тем более если сбываются. Представь, ты хочешь, чтобы некий человек упал в яму. Вначале ты подкладываешь ему под ноги хорошие доски, а когда он утратит бдительность и станет наступать куда попало, доверяя тебе, подложишь гнилую.

Гелата заглядывала раза три. Как всегда, она куда-то мчалась, спеша за день побывать в десяти местах, и у Ирки сидела совсем недолго. Едва успевала пожаловаться на своего оруженосца, в очередной раз что-то учудившего, и рассказать одну-две новости, касающиеся остальных валькирий. Ирка давно уже усвоила, что среди воительниц Света Гелата являлась своеобразной нитью, соединявшей бусины отдельных судеб в единое целое.

— Будут приставать, что два пажа для валькирии-одиночки слишком жирно, ты скажи, что Багров — паж Антигона, — посоветовала как-то Гелата, воззрившись на Матвея.

— Как это?

— А так. Историю учила? Вассал моего вассала — не мой вассал. Вот и паж моего пажа не мой паж! Чуть что — сразу учебник истории под нос!

— Все-таки не говори никому, — забеспокоилась Ирка.

— Конечно, не скажу! — пообещала Гелата. — Что я, трепло? С этими оруженосцами вечно все через пень-колоду! Вообрази: мой-то широкомордый стал примерять мои темные очки и — хруп! — выгнул дужки в стороны! Сколько они стоят, он представляет? Ну скажи сразу, нельзя было сообразить, что его ряха не пролезает?

— Гыг!

Лицо ее оруженосца, который при этом разговоре торчал здесь же рядом, расплылось от удовольствия и стало шире почтового ящика. Вздумай кто-то сейчас надеть на него очки, любая оправа не просто погнулась бы, но и разлетелась на куски.

— А ну не улыбайся! Ты! У тебя нет чувства юмора! — напомнила Гелата.

— И хорошо, что нет! — успокоил ее, а заодно и оруженосца, Багров.

— Что тут хорошего?

— Если бы чувство юмора было у всех, мир превратился бы в сплошную клоунаду.

Видимо, Гелата все-таки не удержала язык на предназначенном ему аэродроме за зубами, потому что уже на следующий день к Ирке явилась Таамаг, суровая, как царица амазонок. После Питера она относилась к одиночке значительно лучше, что, однако, не распространялось на Багрова.

Поймав его за свитер, она подтянула Матвея к себе и, сопя ему в брови (Таамаг была на полголовы выше), предупредила:

— Заруби себе на носу, некромаг! Если из-за тебя с ней случится какая-нибудь беда, я сверну тебе шею!

— Если с ней случится какая-нибудь беда, я сам сверну себе шею, — пообещал Матвей.

Таамаг отпустила его свитер, ухмыльнулась и щелчком пальцев сбила с плеча Багрова соринку.

— На том и сговорились! Только учти: слов назад не берем! — сказала она.

Сегодняшний обед состоял из двух банок кильки в томате, которые вдобавок пришлось открывать Ирке. Багров и Антигон хорошо готовили по отдельности, но, проживая вместе, изредка устраивали друг другу демонстрации, что приводило к невеселым результатам. Две хозяйки на одной кухне — это верный обед в столовой.

Пообедав, Матвей встал, довольно потянулся, и... тут это произошло. Внезапно Багров судорожно вдохнул воздух, схватился за горло и, сделавшись фиолетовым, завалился вперед. Скорчившись, он лежал на полу, подтянув к груди колени. Спина его содрогалась.

— Дышать... не... могу, — выкашлял он с усилием.

Ирка перевернула его на бок. Матвей был уже не фиолетовым, а сизым. Это было жуткое зрелище. Багровеющий багровый Багров багровело багровел багрянцем.

— Что с тобой?! — крикнула Ирка.

— Ды... шшшш... а-а...

Перевернувшись на спину, Матвей судорожно дернулся, выгнулся и застыл. Глаза его остекленели.

Ирка растерялась. Метнулась в один конец комнаты, в другой. Как поступить и как помочь ему, она не знала. Опыт человеческий, а не опыт валькирий,

подсказывал ей, что в таких случаях делают искусственное дыхание.

Ирка опустила на колени, рывком, чтобы лучше видеть, где сердце, разорвала на Багрове майку. Прильнула к груди ухом. Сердце не билось. Медлить было нельзя.

Раз за разом Ирка основанием ладоней давила Матвеем на грудную клетку и вдыхала в него воздух, пока внезапно не ощутила, что его губы ведут себя довольно странно и даже улыбаются. Ирка резко отстранилась. Вскочила. Матвей спешно попытался притвориться, но выдал себя неискренним стоном. Поняв, что разоблачен, Багров преспокойно сел и озабоченно стал разглядывать майку.

— И зачем было рвать?! Знаешь, сколько сейчас стоит приличная майка? — спросил он с негодованием и тотчас с улыбкой добавил: — Я вот, например, понятия не имею.

Ирка все еще не понимала. Матвей больше не был ни фиолетовым, ни сизым. Выглядел вполне себе живым и умирать в ближайшее время не собирался.

— У ТЕБЯ НЕ БИЛОСЬ СЕРДЦЕ! — крикнула Ирка.

Багров смущенно улыбнулся. Валькирия-одиночка ощутила себя полной дурой. Никто не умеет притворяться лучше некромага.

— Вообще-то я своего добился. Ты меня поцеловала, — сказал он.

Ирка накинулась на него с кулаками. Бить некромага — дело дохлое, причем в самом прямом смысле, хотя один удар все равно прошел. Багров озабоченно потрогал скулу.

— Какая-то ты сегодня сердитая! Не иначе как Марс не в том доме. Биоэнергия прет пучками в разломы земной коры и завивается в колечки! Геомагнитное излучение в геопатогенной зоне! — сказал он, пародируя тех блеющих дурачков-астрологов, нетрадиционных целителей

и иже с ними, что вечно паслись на Большой Дмитровке в надежде на продление аренды.

— Никто тебя не целовал! Я делала тебе искусственное дыхание!

Багров ухмыльнулся и облизнул губы:

— Буду теперь знать, как это называется!

— В следующий раз, когда ты притворишься, я сперва проткну тебя копьём для верности, а потом уже начну приводить в чувство, — сказала Ирка.

Она повернулась, распахнула люк.

— Ты куда? — крикнул Матвей.

Но Ирка уже выскочила из приюта.

* * *

Девушки — существа странные. В большинстве случаев они обижаются даже тогда, когда повода нет или он незначителен. Когда же повод есть, обиды обычно хватает ненадолго. Лишь до тех пор, пока это необходимо, чтобы хлопнуть дверью или произнести «пхе!» с должной степенью негодования.

Вот и Ирка, пробежав по лесу метров четырёхста, остановилась. Она стояла, прижавшись лбом к березе, тяжело дышала и одновременно совершенно ясно понимала, что злится на Матвея совсем не так сильно, как ей хотелось бы. Более того. Она совсем на него не злится и даже рада, что все так получилось.

Эта ясная мысль так напугала Ирку, что она пролетела еще метров двести, после чего перешла на широкий шаг.

Сзади кто-то заохал. Оглянувшись, Ирка увидела уныло ковылявшего за ней Антигона. Запыхавшийся кикимор шел раскачиваясь и держась за поясницу, как старый радикулитчик.